

УДК 342.721(470)+614.251(470)
DOI 10.34822/2312-3419-2020-4-67-75

**О ПРИМЕНЕНИИ ПРОЦЕДУРЫ
ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ
ПО ИНИЦИАТИВЕ СУРРОГАТНОЙ МАТЕРИ КАК СПОСОБЕ ЗАЩИТЫ
ЕЕ ФИЗИЧЕСКОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОДЕРЖАНИЯ
СТАТЬИ 22 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

М. С. Арефьева

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия
E-mail: mascha.arefiewa@yandex.ru*

Сегодня в Конституции РФ предусматривается необходимость защиты материнства и детства, что гарантирует применение специфических форм репродуктивных технологий, в том числе суррогатного материнства. Однако аспект невмешательства в сферу физического состояния женщины, вынашивающей генетически чуждого ей ребенка, в отечественных нормативно-правовых актах не регламентирован. Реализация технологии суррогатного материнства предполагает реализацию воздействия на тело суррогатной матери, которое связано с помещением генетического материала потенциальных родителей в ее организм. Поэтому требуется установить, может ли суррогатная мать скорректировать пределы использования качеств ее организма, прибегнув к искусственному прерыванию беременности. Выявлены основания, позволяющие суррогатной матери прервать беременность по собственной инициативе. Автором исследованы причины искусственного прерывания беременности суррогатной матерью с позиции оценки интересов участников данной технологии. Установлены формы негативного поведения потенциальных родителей, свидетельствующие о пренебрежении физическим состоянием суррогатной матери. Определен срок, с наступлением которого суррогатная мать вправе отказаться от участия в процедуре реализации указанной медицинской технологии. Прерывание беременности суррогатной матерью рассматривается автором как способ защиты ее физического существования. Для конкретизации условий, при которых осуществление этой манипуляции допустимо, требуется внесение коррективов в содержание Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ».

Ключевые слова: конституционно-правовой статус, суррогатное материнство, конституционное право, личная неприкосновенность, достоинство личности, свобода.

Для цитирования: Арефьева М. С. О применении процедуры искусственного прерывания беременности по инициативе суррогатной матери как способе защиты ее физической неприкосновенности в контексте содержания статьи 22 Конституции Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 4. С. 67–75. DOI 10.34822/2312-3419-2020-4-67-75.

**ON PROCEDURE OF INDUCED ABORTION INITIATED
BY SURROGATE MOTHER AS A METHOD OF PROTECTING
HER PHYSICAL INTEGRITY FOR THE PURPOSE OF ARTICLE 22
OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION**

M. S. Arefyeva

*Saratov State University, Saratov, Russia
E-mail: mascha.arefiewa@yandex.ru*

Today, the Constitution of the Russian Federation provides for the need to protect motherhood and childhood, which guarantees the use of particular forms of reproductive technologies, including surrogacy. However, the concept of non-interference in the sphere of the physical well-being of a woman carrying a child that is genetically alien to her is not regulated in Russian legal acts. The technology of surrogacy in-

volves the implementation of the impact on the surrogate mother's body, which is associated with the placement of the genetic material of intended parents. Therefore, it is necessary to establish whether the surrogate mother can adjust the health limits of her body by resorting to artificial termination of pregnancy. The reasons that allow a surrogate mother to terminate a pregnancy on her own initiative are revealed. The author investigates the reasons for the artificial termination of pregnancy by a surrogate mother with regard to the interests' evaluation of involved parties. The forms of behavior of intended parents, indicating neglect of the physical condition of the surrogate mother, are established. A period has been specified when the surrogate mother has the right to refuse to participate in this medical technology. The author considers the termination of pregnancy by a surrogate mother as a way of protecting her physical existence. To specify the conditions under which this manipulation is permissible, it is necessary to adjust the contents of the Federal Law "On the basics of public health protection in the Russian Federation".

Keywords: constitutional status, surrogate motherhood, constitutional law, personal integrity, personal dignity, freedom.

For citation: Arefyeva M. S. On Procedure of Induced Abortion Initiated by Surrogate Mother as a Method of Protecting Her Physical Integrity for the Purpose of Article 22 of the Constitution of the Russian Federation // Surgut State University Journal. 2020. No. 4. P. 67–75. DOI 10.34822/2312-3419-2020-4-67-75.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня Основным законом РФ провозглашена необходимость обеспечения условий, направленных на реализацию человеком возможности стать родителем, обусловленной его биологической природой. Согласно ст. 38 Конституции РФ материнство и детство находятся под защитой государства [1]. В качестве гарантии соблюдения указанного положения Основного закона РФ выступает возможность применения специальных технологий для реализации репродуктивной функции лицами, не способными к деторождению. Каждому из лиц, подвергнутых подобному медицинскому воздействию, должна гарантироваться не просто возможность использования репродуктивной технологии, но и защита права на личную (физическую) неприкосновенность, провозглашенного в ст. 22 Конституции РФ. Это необходимо в целях недопущения применения методов врачебного воздействия, унижающих человеческое достоинство и используемых вопреки воле субъектов, заинтересованных в реализации достижений репродуктивной медицины. Указанный аспект важен, поскольку в процессе реализации репродуктивных медицинских технологий могут принимать участие субъекты, не преследующие цели приобретения статуса родителей в будущем, но чьи интересы затрагиваются в процессе реализации врачебного вмешательства. В этой связи необходимо проанализировать особенности конституционно-правовой защиты физической неприкосновенности данных лиц.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В данном контексте в качестве объекта исследования выступает механизм конституционно-правовой защиты суррогатной матери как участника технологии суррогатного материнства. Согласно содержанию ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (далее – ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан») [2], данная форма медицинского воздействия предполагает помещение клеток потенциальных родителей в тело женщины, оказывающей помощь вышесказанным субъектам в реализации намерения приобрести статус отца/матери. Поскольку Конституция РФ гарантирует физическую неприкосновенность человека, которая характеризуется отсутствием вторжения в область телесного существования, наличием автономии в принятии решения относительно предоставления доступа к телу и его отдельным элементам (органам, клеткам и тканям), спорным представляется вопрос о возможности отказа суррогатной матери от предоставления свойств ее организма для дальнейшего использования после завершения процесса оплодотворения генетического материала потенциальных родителей. Необходимо установить, руководствуясь сравнительно-правовым и формально-юридическим методами исследования, границы воздействия на организм суррогатной матери. Посредством анализа зарубежных и отечественных нормативно-правовых актов и правоприменительной практики необходимо определить, вправе ли

суррогатная мать распорядиться собственной физической неприкосновенностью, прибегнув к процедуре искусственного прерывания беременности.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

За рубежом вопрос возможности использования организма женщины в контексте реализации процесса вынашивания ребенка в рамках соглашения о суррогатном материнстве решается по-разному. Так, согласно содержанию главы 9 (ст. 54–59) Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» [3] применение исследуемой репродуктивной технологии допускается. В данном документе предусмотрена ответственность указанной женщины за беременность. Вместе с тем, как отмечает исследователь К. А. Гитлина, в законе Израиля «Суррогатное соглашение» (Об утверждении договора и статуса новорожденного ребенка) 1998 г. предусматривается возможность реализации медицинского вмешательства в отношении потенциальной суррогатной матери, но при условии обязательной предварительной оценки ее физического состояния специальной Комиссией [4, с. 104]. В свою очередь, С. Н. Тагаева и Ф. М. Аминова отмечают, что суррогатное материнство сегодня разрешено в таких странах, как Азербайджан, Армения, Грузия, Канада и ЮАР [5, с. 104].

Однако исследователь М. Ю. Старчиков отмечает установленный п. 722 855 Свода законов штата Мичиган (США) запрет [6] на заключение соглашения о применении исследуемой медицинской технологии и указывает на особенности позиции правоприменителя по данному вопросу, сформированной в деле «Доу против Генерального прокурора штата Мичиган». В частности, судом апелляционной инстанции данного штата при рассмотрении вышеуказанного спора было установлено, что невозможность использования суррогатного материнства связана с недопустимостью эксплуатации женщины, выразившей желание выносить генетически чуждого ей ребенка. Здесь следует отметить, что в США вопрос допустимости применения технологии суррогатного материнства разрешается на уровне отдельных штатов по-разному. Так, О. В. Миллер отмечает, что наряду со штатом

Мичиган суррогатное материнство также запрещено в Аризоне и Нью-Джерси, в остальных вопрос о допустимости реализации указанной медицинской технологии решается индивидуально, в зависимости от конкретной ситуации [7, с. 195].

Вместе с тем А. Т. Боннер обращает внимание на правовой опыт Франции, отмечая, что в данном государстве применение технологии суррогатного материнства находится под запретом [8, с. 136].

Этот аспект отмечает и В. А. Королева, указывая, что в решении Конституционного суда Франции, вынесенном в 1991 г., данная позиция нашла обоснование. В нем сказано, что любое соглашение, предусматривающее условия, в соответствии с которыми женщина вынашивает и рождает ребенка, а впоследствии отказывается от него (в том числе в пользу потенциальных родителей), противоречит как публичному порядку, так и принципу неприкосновенности тела человека, личному статусу физического лица [9]. Аналогичным образом рассматриваемый вопрос регламентируется в Германии и Австрии, где, по замечанию группы исследователей во главе с Т. А. Мосиенко, реализация технологий, связанных с оплодотворением женщины генетическим материалом других лиц, рассматривается как преступное действие, наказание за совершение которого несет медицинская организация, осуществившая данную медицинскую технологию [10, с. 144]. По замечанию исследователя К. С. Шарова, подход, запрещающий применение рассматриваемой медицинской технологии, сегодня также реализуется в Сингапуре. Ученый обращает внимание на выпущенную в 2015 г. в данном государстве директиву, которая запретила центрам репродуктивной медицины использование методик «суррогатного рождения детей» [11, с. 33].

В свою очередь, в Российской Федерации вопрос применения технологии суррогатного материнства регламентируется п. 10 ст. 55 ФЗ РФ «Об основах охраны здоровья граждан», который допускает реализацию технологии суррогатного материнства при необходимом соблюдении условия о том, что женщина, намеренная выносить ребенка потенциальных родителей, не должна являться донором генетического материала [2].

Отечественный законодатель, предусматривая возможность участия суррогатной матери в процессе реализации исследуемой медицинской технологии, учитывал наличие у нее альтернативы, касающейся использования репродуктивных функций ее организма (элемента физической неприкосновенности). Так, О. А. Хазова отмечает, что установление запрета в отношении женщины, желающей приобрести статус суррогатной матери на основании принятого ею самостоятельного, свободного и добровольного решения, может явиться посягательством на ее репродуктивную свободу [12, с. 21].

Однако вопрос о праве отказа суррогатной матери от участия в программе как реализации возможности невмешательства в ее тело после достижения соглашения о вынашивании генетически чуждого ей ребенка отечественным законодателем не регламентируется.

При этом на необходимость регулирования указанного аспекта в рамках отношений, складывающихся между генетическими родителями и суррогатной матерью в РФ, обращают внимание отечественные судебные органы.

Так, в апелляционном определении Ессентукского городского суда Ставропольского края от 23.03.2017 по делу № 11-20/2017 [13] был сформулирован вывод о том, что соглашение, регламентирующее применение рассматриваемой медицинской технологии, должно содержать не только предписания, касающиеся определения медицинской организации, где будет осуществлен перенос генетического материала потенциальных родителей суррогатной матери. В нем, по мнению правоприменителя, также должны быть отражены положения, посвященные ответственности суррогатной матери в случае преждевременного завершения процесса беременности исключительно по ее желанию.

Данный пример демонстрирует исключительность роли соглашения между генетическими родителями и женщиной по вопросам реализации программы суррогатного материнства.

Также необходимо помнить, что женщина, давшая согласие выносить генетически чуждого ей ребенка, соглашается с обязательством посещать определенных врачей, проходить обследования, выбор которых заблаго-

временно согласуется как с генетическими родителями будущего ребенка, так и с конкретной медицинской организацией, в которой наблюдается женщина, что отражается в письменном соглашении. На данное обстоятельство обращает внимание С. Ю. Чашкова, отмечая, что подобную подробную регламентацию указанных индивидуальных аспектов жизни суррогатной матери в период вынашивания генетически чуждого ребенка следует рассматривать в качестве ограничения права на физическую неприкосновенность [14].

В частности, документы, содержащие положения, касающиеся ограничений физической автономии суррогатной матери в период реализации рассматриваемой медицинской технологии, исследовались Московским городским судом при вынесении апелляционного определения по делу № 33-10938. Анализировались специфические условия соглашения, достигнутого с биологическими родителями, предусматривающие необходимость приема лекарственных препаратов и прохождения медицинских процедур, отказ от ведения половой жизни в период беременности [15]. Наличие подобного условия было выявлено при рассмотрении Центральным районным судом г. Новосибирска дела № 2-358/2017 [16]. Так, суррогатная мать приняла на себя обязательства не прибегать к совершению действий, способных неблагоприятно повлиять на достижение положительного результата (появление на свет ребенка) или сделать его невозможным.

Таким образом, характер и пределы ограничений физической автономии суррогатной матери определяются при условии обязательного согласования с лицами, предоставившими генетический материал для претворения в жизнь исследуемой медицинской технологии. Г. Б. Романовский отмечает, что проблемы, возникающие в процессе реализации программы суррогатного материнства, находятся в сфере формирования отношений, возникающих между родителями будущего ребенка и женщиной, согласившейся его выносить [17, с. 54].

В этой связи проблематичной выглядит возможность реализации данной женщиной процесса прерывания беременности по ее усмотрению.

Ситуация осложняется тем, что ст. 56 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» [2] предусматривает право каждой женщины самостоятельно решать вопрос о возможном материнстве. Отсутствие в указанной норме упоминания суррогатной матери не позволяет однозначно утверждать, что дефиниция «каждая» распространяется на рассматриваемое лицо.

Здесь важно помнить, что реализация права на физическую неприкосновенность связана с выражением свободного волеизъявления относительно вмешательства в организм человека, его органы и ткани. Необходимо принимать во внимание позицию каждого из участников программы суррогатного материнства относительно ее продолжения, поскольку в данном случае речь идет не только о генетическом материале потенциальных родителей, но и о теле женщины, согласившейся стать суррогатной матерью и претерпевающей изменения собственного физического состояния, связанные с беременностью.

Данный довод базируется на том, что в основе реализации любого права, охраняемого Основным законом РФ, находится волеизъявление субъекта. Такого мнения придерживается профессор М. А. Липчанская, которая говорит о том, что реализация конституционно-правовых предписаний связана с воплощением в жизнь субъективных интересов человека [18].

Однако позиция отечественного законодателя относительно регламентации юридической возможности женщины прервать беременность по собственной инициативе в контексте содержания ст. 56 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан» без непосредственного упоминания в ней суррогатной матери, на наш взгляд, свидетельствует об отсутствии нормативного регулирования вопроса обеспечения ее права на физическую неприкосновенность.

Вместе с тем в научной литературе не разработано общего подхода к вопросу о том, может ли суррогатная мать прервать беременность. Так, Т. Е. Борисова не дает негативной оценки возможности запрета прекращения беременности в соответствии с волеизъявлением суррогатной матери, если отсутствуют врачебные показания к проведению данной процедуры [19]. Позиция исследова-

теля основывается на необходимости учета интереса генетических родителей, который в данном случае сводится к появлению на свет ребенка. В свою очередь, С. В. Алборов отмечает, что право суррогатной матери на прерывание беременности должно быть ограничено, поскольку инициатива по прекращению соглашения с генетическими родителями может исходить от суррогатной матери лишь в случае, когда беременность угрожает ее жизни и здоровью [20, с. 161]. Аналогичной позиции придерживается И. А. Дикова, считая допустимым ограничение суррогатной матери в праве на аборт [21].

Однако вышеуказанные позиции не учитывают объективных условий, при которых может сформироваться решение суррогатной матери о прекращении беременности.

В свою очередь, С. В. Лозовская и М. Э. Шадонова отмечают невозможность запрета на аборт для суррогатной матери [22]. Позиция ученых основывается на толковании категории «каждая женщина», указанной в ст. 56 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан», о которой мы упоминали выше [2].

Однако предпочтительной представляется точка зрения группы исследователей во главе с Г. Б. Романовским, согласно которой в вопросе о возможности прерывания беременности суррогатной матерью существенную роль играет трансформация намерений обладателей генетического материала, так как субъекты, желающие стать родителями, могут отказаться от услуг суррогатной матери [23]. В подобном случае суррогатная мать будет вынуждена вынашивать ребенка, что явится свидетельством утраты ею репродуктивной свободы (одного из элементов физической неприкосновенности).

Схожий вывод был сформулирован в особом мнении судьи А. Н. Кокотова, изложившего собственные доводы относительно содержания определения Конституционного суда РФ от 27 сентября 2018 г. № 2318-О [24]. Он отметил, что однозначно охарактеризовать подобные действия как негативные невозможно, поскольку суррогатная мать находится в особом состоянии, связанном с изменениями ее самочувствия ввиду беременности.

Полагаем, что суррогатная мать может прекратить отношения, сложившиеся в усло-

виях реализации рассматриваемой медицинской технологии. Указанная прерогатива принадлежит ей в случае изменения намерений обладателей генетического материала, совершения ими действий/бездействия, которые могут негативно сказаться на физическом состоянии суррогатной матери.

Так, на практике имеют место случаи, когда изменение поведения генетических родителей вынуждает суррогатную мать прервать беременность. При вынесении решения Дзержинским районным судом г. Ярославля 17.08.2018 по делу № 2-1469/2018 был установлен факт прерывания беременности суррогатной матерью по собственной инициативе при отсутствии медицинских рекомендаций для проведения этой манипуляции. Истица пояснила, что к осуществлению подобных действий ее вынудило поведение потенциального генетического родителя, уклонившегося от выполнения принятых обязательств. По инициативе биологической матери будущего ребенка была осуществлена замена препаратов, назначаемых суррогатной матери медицинскими работниками. В указанном судебном акте не была дана правовая оценка факту наличия/отсутствия проверки врачами последствий подобной замены (каким образом она сказалась бы на физическом состоянии суррогатной матери) [25]. На наш взгляд, замена медикаментов, осуществленная по инициативе генетического родителя, без учета по данному вопросу мнения суррогатной матери, свидетельствует о нарушении присущего ей права на физическую неприкосновенность.

Однако требуется установить, достаточно ли наличия факта недобросовестного поведения только одного из будущих родителей в случае, если первоначально на применение технологии суррогатного материнства обладатели генетического материала выразили совместное согласие (например, супружеская пара).

Мы полагаем, что прерывание беременности суррогатной матерью допустимо в том случае, когда условия соглашения отказываются выполнять следующие лица:

- 1) одинокий генетический родитель, участник программы суррогатного материнства;
- 2) каждое из лиц, давшее совместное согласие на применение данной медицинской технологии.

Данный отказ может быть оформлен в виде бумажного или электронного документа или выражен в форме совершения обладателями генетического материала конклюдентных действий, свидетельствующих об их нежелании принимать дальнейшее участие в программе суррогатного материнства. К подобным действиям можно отнести:

1) неоплату медицинских услуг, оказываемых суррогатной матери, или их оплату в объеме, не способствующем получению всего спектра врачебной помощи, первоначально поименованного в соглашении;

2) уклонение от передачи женщине денежных средств для удовлетворения ее физиологических потребностей, реализация которых обеспечивает ее благоприятное физическое состояние (питание, проживание, медицинское обслуживание). Эти денежные средства отличаются компенсаторным характером, поскольку их выплата направлена на поддержание и реабилитацию физиологического состояния женщины. Согласно позиции судьи Конституционного суда А. Н. Кокотова, сформулированной в особом мнении к вышеупомянутому постановлению от 27 сентября 2018 г. № 2318-О, денежные средства, получаемые суррогатной матерью, предназначаются для восстановления ее физического и психического здоровья [24].

Указанные ситуации должны быть сопряжены с уклонением обоих генетических родителей/одинокого родителя от урегулирования возникающих конфликтов с суррогатной матерью, порождаемых подобным недобросовестным поведением, посягающим на физическую неприкосновенность суррогатной матери.

Учитывая необходимость обеспечения определенности правовых предписаний, которая в рамках конституционного права, по мнению А. С. Белова, характеризует предсказуемость правовых норм, их способность урегулировать сложившиеся отношения субъектов с учетом конкретной ситуации и принципов правовой регламентации [26, с. 9], важно выявить временной интервал недобросовестного поведения, в рамках которого суррогатная мать вправе прервать беременность.

С учетом положения п. 1 ст. 56 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» уклонение генетических родителей от вы-

полнения условий соглашения дает основания суррогатной матери прервать ее на сроке до 12 недель. Требуется изложить п. 1 и 2 ст. 56 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» [2] следующим образом:

«1. Каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. Искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия.

Суррогатная мать вправе прибегнуть к процедуре искусственного прерывания беременности в случае наступления обстоятельств, не зависящих от нее, представляющих опасность для ее жизни и здоровья, в ситуациях отказа и/или уклонения обоих генетических родителей/одинокоего родителя от выполнения принятых обязательств в условиях программы суррогатного материнства.

2. Искусственное прерывание беременности по желанию женщины проводится при сроке беременности до 12 недель. Искусственное прерывание беременности осуществляется по инициативе суррогатной ма-

тери до достижения вышеуказанного срока в случае наступления обстоятельств, указанных в п. 1 настоящей статьи».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, реализация суррогатной матерью возможности прервать беременность по собственной инициативе должна рассматриваться в качестве специальной формы защиты присущего ей конституционного права на физическую неприкосновенность, поскольку использование данной меры направлено на обеспечение невмешательства в целостность ее организма. Закрепление специальных оснований для искусственного прерывания беременности вышеупомянутой женщиной в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» позволит исключить рассмотрение тела суррогатной матери как средства эксплуатации и станет дополнительной гарантией защиты ее права на физическую неприкосновенность в контексте содержания ст. 22 Конституции РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Рос. газ. 2020. 04 июл. № 144.
2. Об основах охраны здоровья граждан в РФ : фед. закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ ; в ред. федер. закона от 27 декабря 2018 г. № 511-ФЗ // Рос. газ. 2011. 23 нояб. № 263.
3. О браке (супружестве) и семье : кодекс Республики Казахстан от 26 декабря 2011 года № 518-IV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 27.12.2019). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748#pos=4;-155 (дата обращения: 18.03.2020).
4. Гитлина К. А. Суррогатное материнство в законодательстве Израиля и России // Ученые тр. Рос. акад. адвокатуры и нотариата. 2015. № 1 (36). С. 103–106.
5. Тагаева С. Н., Аминова Ф. М. Проблемы применения правопорядка к осложненным «иностран- ным элементом» отношениям, возникающим из вспомогательных репродуктивных технологий // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2017. № 2. С. 192–202.
6. Старчиков М. Ю. Правовой статус суррогатного материнства в России: теоретические положения и судебная практика. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=125287#06193599438837369> (дата обращения: 18.03.2020).

REFERENCES

1. Konstitutsiia Rossiiskoi Federatsii (priniata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniiami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniia 01.07.2020) // Ros. gaz. 2020. 04 Jul. No. 144. (In Russian).
2. Ob osnovakh okhrany zdorovia grazhdan v RF : fed. zakon ot 21 noiabria 2011 g. № 323-FZ ; v red. feder. zakona ot 27 dekabria 2018 g. № 511-FZ // Ros. gaz. 2011. 23 Nov. No. 263. (In Russian).
3. O brake (supruzhestve) i seme : kodeks Respubliki Kazakhstan ot 26 dekabria 2011 goda № 518-IV (s izmeneniiami i dopolneniiami po sostoianiiu na 27.12.2019). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748#pos=4;-155 (accessed: 18.03.2020). (In Russian).
4. Gitlina K. A. Rights of the Child to the Context Surrogacy for Accepting the Law of Israel and Russia // Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notary. 2015. No. 1 (36). P. 103–106. (In Russian).
5. Tagaeva S. N., Aminova F. M. Legal Issues of Regulating Relations Arising from Assisted Reproductive Technologies Complicated by the “Foreign Element” // Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki. 2017. Iss. 36. P. 192–202. (In Russian).
6. Starchikov M. Yu. Pravovoi status surrogatnogo materinstva v Rossii: teoreticheskie polozheniia i sudebnaia praktika. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=125287#06193599438837369>

7. Миллер О. В. Суррогатное материнство: особенности нормативного правового регулирования в РФ и США // *Инновационная наука*. 2015. № 6. С. 194–195.
8. Боннер А. Т. Законодательство об искусственном оплодотворении и практика его применения судами нуждаются в усовершенствовании // *Закон*. 2015. № 7. С. 134–151.
9. Королева В. А. Зарубежный опыт правового регулирования суррогатного материнства. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-pravovogo-regulirovaniya-surrogatnogo-materinstva> (дата обращения: 18.03.2020).
10. Мосиенко Т. А., Лысогорская К. И., Федоренко О. С., Щекина Е. Н. Сравнительный анализ института суррогатного материнства в российском и зарубежном законодательстве // *Вестн. Ростов. гос. эконом. ун-та (РИНХ)*. 2016. № 4 (56). С. 143–148.
11. Шаров К. С. Суррогатное материнство в России и Сингапуре в системе моделей демографического поведения // *Социодинамика*. 2019. № 4. С. 31–41.
12. Хазова О. А. Репродуктивные права в России: пределы законодательного регулирования // *Конституционное право: восточноевропейское обозрение*. 2001. № 1 (34). С. 15–24.
13. Апелляционное определение Ессентукского городского суда Ставропольского края по делу от 23.03.2017 № 11-20/2017. URL: https://essentuksky-stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4607564&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 8.03.2020).
14. Чашкова С. Ю. Свобода формирования условий договора о суррогатном материнстве как нетипичной договорной конструкции // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2016. № 2. С. 58–64.
15. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.04.2014 № 33-10938/2014. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/6c7aacf7-83b8-428a-99ea-da64c504a?caseNumber=33-10938&courtInternalName=mgs> (дата обращения: 18.03.2020 г.).
16. Решение Центрального районного суда г. Новосибирска от 28.06.2017 по делу № 2-358/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C9Fom7BDkMrU/?regular-txt=суррогатная+мать+отказалась+от+выполнения+обязательств+по+договору> (дата обращения: 18.03.2020).
17. Романовский Г. Б. Правовое регулирование суррогатного материнства // *Гражданин и право*. 2010. № 10. С. 54–63.
18. Липчанская М. А. Конституция России как основа формирования юридического будущего страны // *Межвуз. сб. науч. ст. Саратов*, 2018. С. 64.
19. Борисова Т. Е. Суррогатное материнство в Российской Федерации: проблемы теории и практики : моногр. М. : Проспект, 2012. 143 с.
20. Алборов С. В. Право суррогатной матери на искусственное прерывание беременности в правоотношении суррогатного материнства // *Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск*, 2018. С. 157–161.
- 06193599438837369 (accessed: 18.03.2020). (In Russian).
7. Miller O. V. Surrogatnoe materinstvo: osobennosti normativnogo pravovogo regulirovaniia v RF i SShA // *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal "Innovatsionnaia nauka"*. 2015. No. 6. P. 194–195. (In Russian).
8. Bonner A. T. Zakonodatelstvo ob iskusstvennom oplodotvorenii i praktika ego primeneniia sudami nuzhdaiutsia v usovershenstvovanii // *Zakon*. 2015. No. 7. P. 134–151. (In Russian).
9. Koroleva V. A. Zarubezhnyi opyt pravovogo regulirovaniia surrogatnogo materinstva. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-pravovogo-regulirovaniya-surrogatnogo-materinstva> (accessed: 18.03.2020). (In Russian).
10. Mosienko T. A., Lysogorskaia K. I., Fedorenko O. S., Shchekina E. N. Sravnitelnyi analiz instituta surrogatnogo materinstva v rossiiskom i zarubezhnom zakonodatelstve // *Vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta (RINKh)*. 2016. No. 4 (56). P. 143–148. (In Russian).
11. Sharov K. S. Surrogate Motherhood in Russia and Singapore in the System of Demographic Behavior Models // *Sociodynamics*. 2019. No. 4. P. 31–41. (In Russian).
12. Khazova O. A. Reproductive Rights In Russia: Limits of Legislative Regulation // *Constitutional Law: Eastern European review*. 2001. No. 1 (34). P. 15–24. (In Russian).
13. Apelliatsionnoe opredelenie Essentuksskogo gorodskogo suda Stavropolskogo kraia po delu ot 23.03.2017 № 11-20/2017. URL: https://essentuksky-stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=4607564&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (accessed: 08.03.2020). (In Russian).
14. Chashkova S. Yu. Svoboda formirovaniia uslovii dogovora o surrogatnom materinstve kak netipichnoi dogovornoii konstruktssii // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2016. No. 2. P. 58–64. (In Russian).
15. Apelliatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 08.04.2014 No. 33-10938/2014. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/6c7aacf7-83b8-428a-99ea-da64c504a?caseNumber=33-10938&courtInternalName=mgs> (accessed: 18.03.2020). (In Russian).
16. Reshenie Tsentralnogo raionnogo suda g. Novosibirsk ot 28.06.2017 po delu No. 2-358/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/C9Fom7BDkMrU/?regular-txt=суррогатная+мать+отказалась+от+выполнения+обязательств+по+договору> (accessed: 18.03.2020). (In Russian).
17. Romanovskii G. B. Pravovoe regulirovanie surrogatnogo materinstva // *Grazhdanin i pravo*. 2010. No. 10. P. 54–63. (In Russian).
18. Lipchanskaia M. A. Konstitutsiia Rossii kak osnova formirovaniia iuridicheskogo budushchego strany // *Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei. Saratov*, 2018. P. 64. (In Russian).
19. Borisova T. E. Surrogatnoe materinstvo v Rossiiskoi Federatsii: problemy teorii i praktiki : Monograph. Moscow : Prospekt, 2012. URL: <http://www.consultant.ru/>

21. Дикова И. А. Регулирование отношений, возникающих при применении вспомогательных репродуктивных технологий в семейном и гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8–10.
22. Лозовская С. В., Шодонова М. Э. Субъектный состав договора суррогатного материнства // Семейное и жилищное право, 2016. № 3. С. 7–10.
23. Романовский Г. Б., Тарусина Н. Н., Мохов А. А. Биомедицинское право в России и за рубежом : моногр. М. : Проспект, 2015. 368 с.
24. Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Н. Кокотова на определение Конституционного Суда РФ от 27 сентября 2018 г. № 2318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан С. Д. и С. Т. на нарушение их конституционных прав пунктом 4 статьи 51, пунктом 3 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пунктом 5 статьи 16 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», частью 9 статьи 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/72084386/> (дата обращения: 18.03.2020).
25. Решение Дзержинского районного суда г. Ярославля от 17.08.2018 г. по делу № 2-1469. URL https://dzerzhinsky--jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6655522&delo_id=1540005&new=&text_number= (дата обращения: 18.03.2020).
26. Белов С. А. Разумность и рациональность в конституционном праве // Российский юридический журнал. 2017. С. 9–22.
20. Alborov S. V. Pravo surrogatnoi materi na iskustvennoe preryvanie beremennosti v pravootnoshenii surrogatnogo materinstva // Problemy sovremennogo zakonodatelstva Rossii i zarubezhnykh stran : Proceedings of the VI International Scientific Conference. Irkutsk, 2018. P. 157–161. (In Russian).
21. Dikova I. A. Regulirovanie otnoshenii, vznikaiushchikh pri primenении vspomogatelnykh reproductivnykh tekhnologii v semeinom i grazhdanskom prave Rossii : Extended abstract of Cand. Sci. Dissertation (Law). Moscow, 2011. P. 8–10. (In Russian).
22. Lozovskaya S. V., Shodonova M. E. Subieektnyi sostav dogovora surrogatnogo materinstva // Semeinoe i zhilishchnoe parvo. 2016. No. 3. P. 7–10. (In Russian).
23. Romanovskii G. B., Tarusina N. N., Mokhov A. A. Biomeditsinskoe pravo v Rossii i za rubezhom : Monograph. Moscow : Prospekt, 2015. 368 p. (In Russian).
24. Mnenie sudi Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii A. N. Kokotova na opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27 sentiabria 2018 g. No. 2318-O “Ob ot-kaze v priniatii k rassmotreniiu zhaloby grazhdan S. D. i S. T. na narushenie ikh konstitutsionnykh prav punktom 4 stati 51, punktom 3 stati 52 Semeinogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, punktom 5 stati 16 Federalnogo zakona “Ob aktakh grazhdanskogo sostoianiia”, chastiu 9 stati 55 Federalnogo zakona “Ob osnovakh okhrany zdorovia grazhdan v Rossiiskoi Federatsii”. URL: <https://base.garant.ru/72084386/> (accessed: 18.03.2020). (In Russian).
25. Reshenie Dzerzhinskogo raionnogo suda g. Iaroslavlia ot 17.08.2018 g. po delu No. 2-1469. URL: https://dzerzhinsky--jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6655522&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (accessed: 18.03.2020). (In Russian).
26. Belov S. A. Razumnost i ratsionalnost v konstitutsionnom prave // Rossiiskii iuridicheskii zhurnal. 2017. P. 9–22. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Арефьева Мария Сергеевна – аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

ORCID: 0000-0002-3707-2636.

E-mail: mascha.arefiewa@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mariya S. Arefyeva – Postgraduate, Saratov State University, Saratov, Russia.

ORCID: 0000-0002-3707-2636.

E-mail: mascha.arefiewa@yandex.ru